

Анатолий Агарков

КАЗАКИ—LES KOSAKS № 16.

Соколовская пасха

Электронная версия

Соколовская пасха

*Такой борьбы, в которой бы
заранее известны были все шансы,
на свете не бывает.*

(В. Ленин)

Поля совсем оголились. Только в глубоких лощинах да оврагах ещё таились от солнца грязно-ноздристые исхудавшие сугробы, но и те с шуршащими вздохами оседали, холодными струями уходили в землю. А земля была чёрная, бухлая, томно грелась под солнцем и нежила тучное своё тело, нахолодавшее под белыми пуховиками зимы.

Разноголосо лопотала-бурлюкала вода. Толпами звонких мутных ручейков сбегала она со всех сторон и там, на дне оврага, затевала безудержный бунт, а потом сильная, освобождённая от тяжёлых снов и колыбельных песен зимы, с глухим рёвом устремлялась в Черноречку.

Сосновый бор на горе, старый великан, тихо покачивал зелёными кудрями и тянулся к солнцу в голубеющую высь. Сосны беспрестанно тихо гудели – не о той ли воле богатырской, что всё мерещится где-то там, за вешним, ярко играющим горизонтом?

Вязкий суглинок дороги липнул к копытам лошадей, нарастал на них пудовыми ошмётками, отваливался и налипал снова. Лениво взлетали вдоль дороги грачи и, покружив в тёплом дыхании весны, садились вновь, деловито изучая землю.

Красно-партизанский отряд Константина Богатырёва въезжал в родную Соколовскую станицу и быстро таял на глазах - казаки заворачивали на свои подворья.

Вот и дом отца. Уже многие годы он ничуть не менялся – всё также мощно, кряжисто лезли в глаза рубленные «в лапу» венцы, голубели наличники и ставни, высокие столбы ворот, прямо как часовые на посту, охраняли просторное подворье.

На миг померещилось Константину – вот сейчас откроется, звякнув кольцом, калитка, и выбежит на улицу вихрастый круглолицый мальчуган. Помедлил, пребывая в грёзах, да и повернул коня к дому своего детства.

Уже спешившись во дворе, Константин увидел под навесом лошадь, узнал буланого Петра, и безрадостно заныло у него под сердцем. Старший брат пришёл с германской есаулом. После революции собрал бывших однополчан для борьбы с Советами. За Константином пошли те, кто сочувствовал новой власти. Бог миловал – братья не встречались ни в тёмном лесу, не в широком поле, а теперь вот сошлись под отеческим кровом, похристосоваться, так сказать, на самую Пасху. Делать нечего, придётся слушать упрёки и насмешки белоказачьего есаула.

Ещё в сенях он уловил знакомый с детства дух половиков, овчинных тулупов, прокалённых на широкой русской печи, и сладковато-дурманный запах пасхальных куличей.

Мать кинулась к порогу, всплеснув руками, и, не обняв даже, тут же уткнулась носом в край косынки – плакать. Отец радостно засверкал глазами, чуть оторвал свой зад от скамьи у стола. Сидевший напротив Пётр криво ухмыльнулся и тоже привстал.

- Смотрите, кто пожаловал! Сам товарищ краснопузый командир. Наше вам, – он размашисто поклонился. – С приездом, браток-большевичок! Прошу к столу, господин социал-демократ, лихой казак, командир бандотряда, лучший рубака станицы – сволочь, одним словом! Вам, случаем, товарищи ещё не поручили дивизию? Может вы уже – высокопревосходительство краснопузый генерал? Сколько же вы, поганцы, крови людской пролили ради своей революции.

Константин ткнулся носом матери в плечо, неторопливо разделся, снял сапоги, сел за стол, пожав руку отцу, и стал напряжённо слушать.

- А чего это ты явился, спрашивается. За большевиков агитировать?

Константин смотрел на брата тяжёлым взглядом, а Петру всё труднее удавалось сдерживать себя.

- Т-ты! Социалист-моралист! Чё ты пялишься, как кот на колбасу. Родину продал, совесть продал. Приехал мать с отцом Советам закладывать?

Пётр уже кричал, всё сильнее сжимая набрякшие кулаки. Перед тем было выпито немало. Голова у него закружилась, он качнулся и схватился за край стола. Месяцами накопленные в сырых лесных землянках тоска и злость внезапно прорвались в нём и выплёскивались теперь наружу, сочились в словах, взгляде, конвульсивных движениях, сжимали в болезненные тиски голову, требуя выхода, и Пётр уже не мог остановиться. Говорил, говорил, срываясь на крик, всё более багровея лицом.

- Ну, хватайте вас! – пристукнул ладонью по столу отец, потянул носом, раздувая широко ноздри, кивнул на наполненные стаканы. – Давайте-ка, выпьем в честь Святого праздника.

Мать уже вышла, накинув на плечи тяжёлую шаль. Вскоре вошла Маня – Петрова жена. Кивком поздоровалась с деверем и стала, прислонившись к печи, спрятав за спину красные распаренные руки, глядя на мужчин тупо, отрешённо.

Богатырёвы все разом пригубили стаканы, одинаково запрокинули головы, громко похлопали кадыками, поморщились крепчайшему самогону, торопливо стали занюхивать и закусывать.

- Так-то будет лучше, - торопливо жуя щербатым ртом, проговорил отец.

Вошла мать:

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО ЗДЕСЬ

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php